

Л. А. Ильина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**О диахронически ранних функциях
и семантике «эвиденциального перфекта»
в языках Северной Азии**

Статья ориентирована на выявление и объяснение диахронно-типологических параллелей эволюции глагольной категории эвиденциальности (засвидетельствованности) в языках Северной Азии. На материале архаичных текстов традиционного фольклора коренных этносов Северной Азии (преимущественно самодийцев и юкагиров) выделяются и анализируются диахронически ранние коммуникативные функции многозначной эвиденциальной граммема, наиболее универсальной для языков Евразии. В литературе эта граммема обозначается разными терминами, в том числе термином «эвиденциальный перфект», включенным в заголовок статьи. Автор выдвигает и аргументирует гипотезу о древности выделенных коммуникативных функций исследуемой граммема и древности грамматической семантики, проявляющейся при реализации этих функций.

Ключевые слова: эвиденциальность, языки Северной Азии, инферентность, репортатив, миратив, медиатив, древние коммуникативные функции, грамматико-семантическая эволюция.

Во многих языках Евразии, имеющих глагольную категорию эвиденциальности (засвидетельствованности), в том числе в языках, генетически не связанных между собой и значительно отдаленных друг от друга территориально, наблюдаются типологически близкие эвиденциальные глагольные формы косвенной засвидетельствованности со сложной, многозначной, но поразительно сходной в разных языках грамматико-семантической структурой. Из материалов описательных грамматик и специальных лингво-типологических работ следует, что эти грамматические формы глагола, высокочастотно употребляясь в 3 л., типично совмещают два разных эвиденциальных значения – инферентное (инференциальное) и пересказывательное (репортативное, ренарративное, цитативное, квотативное), а относительно редко употребляясь в 1 л., указывают на неконтролируемость говорящим собственных действий, о которых он сообщает, дистанцирование от них. Кроме того, эти формы употребляются в (ад)миративном значении, которое своими эмоциональными созначениями (удивление, радость, опасение

Ильина Людмила Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Сектора тунгусо-маньчжуроведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; ludil60@mail.ru)

и др. по поводу неожиданного события или сбывшегося ожидания) явно выходит за пределы семантической зоны эвиденциальности в зону модальной семантики, и в «чисто перфектном» значении, считающемся темпоральным либо аспектуальным.

Вероятно учитывая наличие «чисто перфектных» контекстуальных реализаций, соредатор широко известного и зарубежным, и отечественным специалистам коллективного труда «Evidentiality» Дж. Николс назвала грамматико-семантически сходные эвиденциальные глагольные формы языков Евразии «все-евразийским эвиденциальным перфектом» («pan-Eurasian evidential perfect») [Evidentiality, 1986, p. 253]. В российском языкознании высокую степень универсальности для языков Евразии перфекта со значением косвенной засвидетельствованности («неочевидности») отмечал А. Л. Мальчуков как известную грамматическую изоглоссу, прослеживающуюся, в частности, в финно-угорских, тюркских и тунгусских языках [Мальчуков, 1999, с. 119]. Термин «эвиденциальный перфект» хорошо известен специалистам, но не общеупотребителен и не общепризнан. В данной статье мы используем его условно для единообразной номинации и глоссирования грамматико-семантически сходных юкагирских и самодийских перфектоподобных («перфектоидных») эвиденциальных форм финитного глагола, совмещенно выражающих инференциальное и ренарративное (репортативное) значения, а в кумуляции с ними (особенно с инфренциальным) выражающих созначения эпистемической модальности и миративности.

Многозначность и особенно разнокатегориальность грамматической семантики рассматриваемых глагольных форм обусловила трудность их описания и объяснения как в исследованиях отдельных языков, так и в сопоставительных лингвотипологических исследованиях. По нашему мнению, эти трудности еще не преодолены в современной лингвистике, что в частности проявляется в многообразии и противоречивости используемой терминологии. Ни в отечественной, ни в зарубежной лингвистике не выработано общепризнанное терминологическое обозначение этих глагольных форм, которое бы адекватно отражало их сложную грамматическую семантику. В данной связи показательно, что в отечественной истории изучения таких глагольных форм в языках Северной Азии к ним прилагались в том числе прямо противоположные терминологические определения, например, «очевидное» (спряжение, наклонение) с буквальным англоязычным переводным эквивалентом «evidential» и напротив – «неочевидное», см.: [Иохельсон, 1900, с. 123; 1934, с. 174; Крейнович, 1958, с. 127; 1982, с. 140–144; Терещенко 1952, с. 373; 1973, с. 144–145; 1979, с. 219–220; Каксин, 1990, с. 106; 2000, с. 75; Скрибник, 1998, с. 197]. Причем если определение «очевидное», прилагаясь к данной форме, употреблялось только в переносном смысле ‘несомненное’, ‘достоверное’, то определение «неочевидное» употреблялось и употребляется по сей день как в прямом смысле ‘невидимое’, ‘заглазное’, ‘зрительно не воспринимаемое’, так и преимущественно в переносном – ‘вероятное’, ‘предположительное’, ‘не вполне достоверное’. Заметим, что употребляемые в переносных смыслах определения «очевидное» и «неочевидное» указывают не на семантику эвиденциальности, а на семантику эпистемической модальности, причем на взаимопоставленные эпистемические значения полной достоверности и неполной достоверности. Наличие таких противоположных эпистемических созначений у одних и тех же форм косвенной засвидетельствованности одних и тех же языков – реальные языковые факты, прослеживающиеся, например, на самодийском и юкагирском языковом материале. С этим, вероятно, связана и противоположная трактовка данных форм разными исследователями: как форм косвенного наклонения («предположительного», «повествовательного», «неочевидного»), противопоставленного индикативу, и напротив – как форм индикатива. Это еще в большей степени усложняет грамматико-семантическую структуру рассматриваемых

глагольных форм и соответственно затрудняет их описание, объяснение и терминологическое обозначение.

Модализация глагольных форм косвенной засвидетельствованности в направлении эпистемических значений сниженной достоверности, в первую очередь – предположительности, наблюдается во многих языках и, по нашему мнению, является одним из основных векторов их грамматико-семантической эволюции на хронологических срезах, приближенных к современности. Но противоположно ориентированная модализация тех же глагольных форм косвенной засвидетельствованности в направлении эпистемических значений полной достоверности, несомненной истинности, категорического утверждения выглядит необычно, нелогично и требует анализа и объяснения. Мы полагаем, что такая направленность модализации рассматриваемых форм косвенной засвидетельствованности имела реальные экстралингвистические (социокультурные) и внутривидовые основания в исторической ретроспективе этнических культур и языков Северной Азии и в существенной мере обусловлена диахронически ранними коммуникативными функциями, издревле выполнявшимися шаманами и сказителями с помощью таких эвиденциальных глагольных граммем в сферах сакрального общения и традиционного фольклора. Эти коммуникативные сферы сформировались в глубокой древности, долговременно сохранялись в основных чертах, являлись высокозначимыми в традиционных этнических культурах Северной Азии, но, к сожалению, были документированы уже в значительно редуцированном состоянии (особенно сфера сакрального общения), что сильно затрудняет их лингвистическое исследование.

В данной статье выделяются и анализируются две диахронически ранние коммуникативные функции многозначных глагольных форм косвенной засвидетельствованности, известных в современной лингвистике под термином «эвиденциальный перфект»: 1) употребление этих эвиденциальных форм шаманами в процессе камлания при указании на специфические сверхъестественные источники сведений шамана о сакральных ситуациях, источники, недоступные остальным, «непосвященным» участникам шаманского обряда и вообще обычным людям; 2) употребление тех же форм косвенной засвидетельствованности сказителями традиционного фольклора в зачинах, распространяющих эту эвиденциальную семантику на весь текст фольклорного произведения и указывающих, что сам сказитель не является непосредственным очевидцем фольклорных ситуаций, но имеет достоверные сведения о них.

Заметим, что обе названные диахронически ранние коммуникативные функции «эвиденциального перфекта» мы не считаем генетически первичными. По нашему мнению, генетически первичные функции и значения эвиденциальных граммем языков Северной Азии, издревле обслуживавших традиционные охотничьи культуры, следует прежде всего искать в коммуникативной сфере традиционного охотничьего промысла. Например, и в юкагирских, и в самодийских языках прослеживается употребление граммем косвенной засвидетельствованности, в том числе «эвиденциального перфекта» при «чтении» следов зверей – объектов охоты. Вероятно, что такие употребления восходят к очень глубокой древности. Но в данной статье мы их не рассматриваем.

Для наглядной конкретизации обозначенных проблем и предполагаемых их решений проиллюстрируем сказанное на примере изучения юкагирской глагольной формы косвенной засвидетельствованности с показателем =*let*= (=л'эл=), сложная грамматическая семантика которой хорошо репрезентирует, на наш взгляд, типологически сходные эвиденциальные формы других языков Северной Азии, в частности самодийских и обско-угорских. Ее впервые выделил и описал как многозначную форму косвенной засвидетельствованности В. И. Иохельсон на материале языка колымских (верхнеколымских) юкагиров в работах конца

XIX – начала XX в. Первоначально, в самых ранних своих работах 1898 и 1900 гг. он называл спрягаемую глагольную форму с суффиксом =*let*= «очевидным спряжением», а несколько позже в работе, опубликованной в США на английском языке в 1905 г., а в русском переводе – в 1934 г., обозначил эту форму термином «evidential mood» – «очевидное наклонение» [Иохельсон, 1898, с. 174; 1900, с. 123; 1934, с. 174; Jochelson, 1905]. Используя определение «очевидное» (evidential), В. И. Иохельсон подразумевал, что говорящий, употребляя глагольную форму с показателем =*let*=, сообщает о событии, свидетелем которого он сам лично не был, знает о нем из косвенных источников, но не сомневается в достоверности своего сообщения об этом событии.

Форму очевидного наклонения (evidential mood) с показателем =*let*= В. И. Иохельсон противопоставлял основной форме изъявительного наклонения, не имеющей специального показателя, не по признакам неполной либо полной достоверности, а только по признакам личной незасвидетельствованности либо личной засвидетельствованности истинного факта. Он в частности отмечал, что русская фраза **Я родился**, сообщающая о самоочевидном несомненном факте, переводится на юкагирский язык с использованием формы очевидного наклонения, а не формы изъявительного наклонения: *met ū=let=ze*, а не *met ū=ze*, «так как никто не может быть свидетелем своего рождения» [Иохельсон, 1934, с. 174].

В фокусе задач нашей статьи особо важна отмеченная В. И. Иохельсоном типичность употребления формы очевидности в сообщениях юкагирских шаманов в процессе камлания [Иохельсон, 1900, с. 123; 2005, с. 153]. Такая же коммуникативная функция прослеживается у самодийских типологических аналогов данной юкагирской формы, которые в самодистике, однако, традиционно назывались формами неочевидности.

Употребление «эвиденциального перфекта» шаманами в сообщениях о своих сакральных путешествиях в иные миры

(1) юк.

Контекст. Информант-юкагир воспроизводит фрагмент шаманской обрядовой песни, в которой шаман сообщает о своем сакральном путешествии в потусторонний мир духов.

(1.1) Алука̄ н̄ӯт̄н̄я̄л̄ ӯнуд-а̄м̄а̄ӣ мӯра̄гӣа̄ н̄я̄чӣ=л̄я̄л̄.

‘Внизу стоящая река-матушка на два рукава **расходится**.’ (EVID-PERF/3 Sg)

(1.2) Мӯра̄гӣа̄да̄ шоб̄ич̄а̄г̄а̄ і̄ркӣн̄ о̄дун-нӯм̄я̄л̄я̄к̄ н̄ӯт̄н̄я̄лӣя̄=л̄я̄л̄=ӯл̄.

‘Где расходится, на стрелке один юкагирский дом **стоял**.’ (EVID-PERF/3 Sg)

(1.3) Табӯнг̄а̄ шоб̄о̄ко̄дӣ=л̄я̄л̄=ц̄я̄.

‘В тот дом я **вошел**.’ (EVID-PERF/1 Sg)

(1.4) Арба̄нц̄я̄і̄ко̄ ла̄рул-ла̄х̄да̄н̄ х̄ан̄я̄і̄ко̄дӣ=л̄я̄л̄= ц̄я̄.

‘На сторону Эрбэнджейко девушки **пошел**.’ (EVID-PERF/1Sg) [Иохельсон, 1900, с. 120; 2005, с. 150]

Обратим внимание, что финитное глагольное сказуемое в форме косвенной засвидетельствованности на =*let*=(*lät*) юкагирский шаман, употребляя в 3 л., использует в сообщениях о своем личном (?) зрительном (?) наблюдении окружающих ситуаций (1.1) и (1.2), а употребляя в 1 л., использует в сообщениях о своих собственных действиях (1.3) и (1.4). Казалось бы, во всех этих сообщениях должна использоваться в роли сказуемого индикативная форма прямой засвидетельствованности с нулевым показателем, а не «очевидная» (evidential) форма косвенной засвидетельствованности на =*let*=(*lät*). Во всяком случае, значение

последней в приведенных примерах проблематично толковать как инферентное либо ренарративное. Она указывает на особый сакральный источник сведений шамана об окружающих ситуациях и собственных действиях, следовательно, имеет особую эвиденциальную семантику.

В. И. Иохельсон, объясняя употребление в рассматриваемом фрагменте шаманской обрядовой песни формы «очевидного спряжения», писал: «Дело в том, что в песне воспевается посещение духов-девушек не самим шаманом, а его тенью, т. е. он рассказывает свой сон, а когда рассказывают сны, употребляют очевидную форму спряжения» [Иохельсон, 1900, с. 123; 2005, с. 153]. Впоследствии, в известной статье Р. О. Якобсона, при обосновании статуса эвиденциальности (evidential) как самостоятельной глагольной категории, источник сведений «сны» был интерпретирован как сакральный источник – «сведения, полученные путем откровения» [Якобсон, 1972, с. 101].

Сакральный источник сведений «откровение» в разных религиях, разных этнических культурах и в разные исторические эпохи имеет существенно различные интерпретации. Но при всех различиях универсальной и панхроничной в обозримой исторической ретроспективе являлась опирающаяся на авторитет веры интерпретация сведений, полученных путем «откровения», как несомненно истинных.

Данные исторической этнографии и фольклористики позволяют заключить, что в традиционных культурах юкагиров и самодийцев общение со сверхъестественными сакральными силами (следовательно, доступ к «откровению» последних) было социально-коммуникативной функцией лишь немногих высокоавторитетных «посвященных» людей, в первую очередь – шаманов. Поэтому только в сообщениях шаманов и других «посвященных» могло содержаться указание на сакральные источники получения сообщаемой информации. В силу священности источников информации и высокого авторитета «посвященных» говорящих, ссылающихся на эти священные источники, такие сообщения интерпретировались адресатами как несомненно истинные, хотя в них в роли сказуемого облигаторно или типично употреблялись глагольные формы не прямой, а косвенной засвидетельствованности, в том числе формы «эвиденциального перфекта».

На селькупском языке опубликован текст шаманского камлания, записанный Л. А. Варковицкой в 1941 г. от потомственного северноселькупского шамана С. П. Кусамина и подготовленный к публикации известными российскими самодистами А. И. Кузнецовой и О. А. Казакевич. В тексте рассказывается о сакральном путешествии шамана («шаманской дороге») в нижний и верхний миры для поиска и возвращения в мир людей души больного человека. Ряд сообщений селькупского шамана об окружающих ситуациях «шаманской дороги» удивительно сходен в лингвотипологическом и этнокультурном аспектах с приведенным выше в примере (1.1) сообщением юкагирского шамана о наблюдаемой им священной реке.

(2) сельк.

Njnj takkj mennjnpjŋa. Takkjŋ ūtjt tiči nantj **tičalj=mpa**.

‘Потом вниз посмотрел. На севере узкое место воды **сужается** (букв.: ‘**вместе соединяется**’).’ (EVID-PERF/3Sg) (МС, с. 333)

(3) сельк.

Njnj čeljntetil’ peläktj ūtjil’ sompjil’ kj passēpjnta (**pačalj=mpa**).

‘Потом к восточной половине водяная шаманская (букв.: ‘поющая’) река **открылась (будто)**.’ (EVID-PERF/3Sg) (МС, с. 334)

(4) сельк.

Njnj **pačalj=mpa** ütjl' sompil' kj.

‘Потом открылась (букв.: ‘разрубилась’) (EVID-PERF/3Sg) водяная шаманская (букв.: ‘поющая’) река.’ (МС, с. 334)

Подчеркнем, что в селькупских примерах (2)–(4), как и в юкагирском примере (1.1) священную «шаманскую реку» шаман наблюдает не непосредственно, а через посредство своей души («души-тени», «души-двойника»), которая временно отделяется в процессе камлания, самостоятельно путешествует по «шаманской дороге» в иные миры, но сохраняет при этом тесную сакральную связь с шаманом, являясь его ипостасью, его вторым «я». Именно на этот специфический источник опосредованной информации указывает в примерах (1.1.–1.4.) юкагирский «эвиденциальный перфект» с показателем =*let*=, а в примерах (2)–(4) селькупский «эвиденциальный перфект» с показателем =(m)p(v)=. «Шаманская дорога (tōturul' wätty), – пишет О. А. Казакевич, – отличается от дорог простых смертных. Это дорога, по которой душа камлающего шамана поднимается на небо, чтобы узнать будущее, или спускается под землю (или на север), чтобы вылечить больного... Подробное описание шаманской дороги составляло, как правило, содержание текстов камланий» [Казакевич, 2000, с. 327].

Следует отметить, что при описаниях «шаманской дороги», то есть впечатлений души шамана об окружающих ситуациях сакрального путешествия, в юкагирских и самодийских текстах шаманских камланий употребляются не только формы «эвиденциального перфекта», но и другие формы косвенной засвидетельствованности, которых в сопоставляемых языках несколько. Например, в наиболее информативно документированных ненецких шаманских текстах высокочастотны формы аудитива и «наклонения кажущегося действия», а в рассматриваемом селькупском шаманском тексте высокочастотны формы «латентива», которые в базовом значении указывали на косвенное зрительное восприятие (нечеткое, смутное видение ситуации).

Анализ функций и семантики разных форм косвенной засвидетельствованности в сфере сакрального общения – задача специального исследования. Но есть основания полагать, что в сопоставляемых языках формы «эвиденциального перфекта» превалировали в сообщениях шаманов о решениях и выводах, ради получения которых проводилось камлание (5)–(7).

Употребление «эвиденциального перфекта» шаманами в сообщениях о полученных в процессе камлания решениях и выводах

(5) юк.

Контекст. Юкагирский шаман камлает, чтобы установить причину болезни человека, и сообщает родственникам больного об установленной причине болезни (по представлениям юкагиrow об этом сообщают устами камлающего шамана вселившиеся в него духи).

Алма мóннi: Аiбiгi нáргунцáикá чугóгáлá ägáриä=láл=ум.

‘Шаман сказал: «Тень его (душа) по дороге в царство теней **пошла, видно**».’ (EVID-PERF/3 Sg) [Иохельсон, 1900, с. 112; 2005, с. 142]

В. И. Иохельсон так комментирует приведенный фрагмент текста шаманского камлания: «Это из шамана духи сообщают причину болезни: тень или душа человека удалась к умершим родственникам в царство теней. нáргунцáикá старинное название для áибици – царства теней» [Иохельсон, 1900, с. 114; 2005, с. 144].

(6) нен.

Контекст. В камлании, осуществляющемся с целью излечения больного человека, старый шаман делает верный вывод о приходе сына больного.

Хаептедада: «Тадибе-Тэта-Ню нюр дэ=ввы́’». (ФН, 2001, с. 342–343)

‘Прокамлал: «Тадибе-Богача-Сын, сын-твой **пришел**».’ (EVID-PERF/3 Sg)

(7) сельк.

Контекст. Старая шаманка камлает, чтобы узнать о том, что случилось с двумя пропавшими сородичами, и в итоге камлания получила (букв.: ‘нашла’ или ‘увидела’) верные сведения, что они утонули.

(imakota) niḷ na qonDьт: «тар qumогь **qu=mBã=qь**... утть **qu=mBã=qь**». (Прокофьев, 1935, с. 107)

‘(Старуха) так **нашла** (или **увидела**): «Эти двое людей **умерли** (EVID-PERF/3Du)... в воду **умерли**».’ (EVID-PERF/3Du)

Без учета историко-этнографических данных может сложиться впечатление, что в примерах (5)–(7) юкагирские, ненецкие и селькупские формы «эвиденциального перфекта» выражают классическое инференциальное значение – умозаключение о ненаблюдаемой ситуации по ее наблюдаемым косвенным следствиям. Но скорее в данных примерах формы «эвиденциального перфекта» указывают на ситуации, наблюдаемые духами-помощниками шамана или сакральным двойником (душой) шамана и поэтому лишь опосредованно засвидетельствованные самим шаманом. Представляется, что подобные сообщения являются категорическими утверждениями.

Употребление «эвиденциального перфекта» сказителями в фольклорных зачинах

Опираясь на данные лингвистики и фольклористики, логично, на наш взгляд, предположить, что в отдаленной исторической ретроспективе ряда этнических культур и языков Северной Азии имело место противоречие между потребностями развития живого творческого фольклорного повествования и сковывающими такое развитие особенностями грамматических систем, детерминированных глагольной категорией эвиденциальности с центральной категориальной оппозицией прямой / косвенной засвидетельствованности, реализуемой в нескольких вариантах. Данная особенность языковых систем обуславливала грамматическую обязательность указания в адекватных сообщениях о референтных ситуациях источника сообщаемой информации и, в частности, казалось бы, требовала, чтобы сказитель в каждом сообщении об отдельной фольклорной ситуации указывал, что сам он не является ее очевидцем и употреблял в роли сказуемого всех таких сообщений только глагольные формы косвенной опосредованной засвидетельствованности. При соблюдении сказителем этих требований были бы существенно ограничены возможности фольклора.

Рассмотренное противоречие разрешалось несколькими разными способами. Одним из них было цельнотекстовое эвиденциальное маркирование всего фольклорного произведения с помощью зачина, в котором роль сказуемого (или нескольких сказуемых в развернутом зачине) выполняли в юкагирских и самодийских языках формы «эвиденциального перфекта» (8)–(14).

(8) юк.

Одул **lä=läl**, шаула-нумаци́нәңи, **амунә-јоротинә=läl=hi**, нугорәд-амунә-**чобјәһә=läl=hi**, мәцилә **mәуинә=läl=hi**. Пуга́дот кудәдаунә – **хдолһәну=läl=ңи**. Та́т **lä=läl=ңи**.

‘Юкагиры **были** (EVID-PERF/3Sg), с каменными топорами были, с **костьными стрелами были** (EVID-PERF/3Pl), с **ножами из реберных костей были** (EVID-PERF/3Pl), с нартами **нартенные** (люди) **были** (EVID-PERF/3Pl). Лето когда наступило – (они) с **челноками были** (EVID-PERF/3Pl). Так **жили.**’ (EVID-PERF/3Pl) [Иохельсон, 1900, с. 74; 2005, с. 105]

(9) юк.

Амаігәт тiң ләбиәгә, тiң поцәрхөнiн **ү=ләл=цә, укаі=ләл=цә**. Мәт әчiә әнiлә, чолгөрөлө, һаflәбиälә күдәдәллә әмәин **кәчiну=ләл=ум**.

‘От матери на этой земле, на этот свет **я родился, я вышел** (EVID-PERF/1Sg).

Мой отец рыбу, зайцев, куропаток убивавши, матери **приносил.**’ (EVID-PERF/3Sg) [Иохельсон, 1900, с. 168; 2005, с. 198]

(10) нен.

Сэв’ан тяхад мадорота яха’ тирлихана маня’ **иле=вэ=ва**’. Сэв’на’ тяхад Лад Сэр’ вэсако нисява’ сидна’ **вада=вы**.

‘С тех пор как я помню себя, **мы живем** (EVID-PERF/1Pl) на берегу реки. С детства нас **вырастил** (EVID-PERF/3Sg) наш отец – старик Лад Сэр.’ (ЭПН, с. 613, 625)

(11) нен.

Сюдбабц хось тибей лаһгота то’ сяд’ ниня һопой мядекоця. Тикы мядекоцяһа-на һопой пухуця **иле=вы**. Нопой пухуця’сидя нюкцяда **таня=вы**. (ЭПН, с. 97, 122)

‘Песня нашла: на гнилом крутом берегу озера один чумик. В этом чумике одна старуха **жила** (EVID-PERF/3Sg). У старухи двое детей **было.**’ (EVID-PERF/3Sg)

(12) нен.

Я мидахана пухуча, вэсаку **иле=вэ=хэ**. (ФНТ, с. 34, 37)

‘Когда создавалась земля, старуха со стариком **жили (двое).**’ (EVID-PERF/3Du)

(13) сельк.

ЈомВа итыланДьсаә **иль=мВа=ць**. (Прокофьев, 1935, с. 103)

‘Йомпа (герой-трикстер ненецкой мифологии, представленный в северноселькупском фольклоре) с бабушкой своей **жили=они двое.**’ (EVID-PERF/3Du) (Прокофьев, 1935, с. 103)

(14) сельк.

Ича имылянтысә **илы=мпа**. (Прокофьева, 1953, с. 152)

‘Ича (главный герой селькупских мифов) с бабушкой своей **жил.**’ (EVID-PERF/3Sg)

Поскольку исторические прототипы социокультурно наиболее значимых и авторитетных фольклорных произведений, восходящие к мифам и родовым преданиям, возникли в далеком прошлом и многократно передавались (в том числе, наследовались) в ряду поколений сказителей, представляется логичным толкование значения, выражаемого «эвиденциальным перфектом», в фольклорных зачинах как ренарративного, причем указывающего на пересказ сообщаемого высокоавторитетными источниками. Вместе с тем данные наиболее информативно документированного ненецкого фольклора дают серьезные основания полагать, что в диахронической ретроспективе формы «эвиденциального перфекта» в фольклорных зачинах указывали на специфический сакральный источник све-

дений «посвященного» сказителя о фольклорных ситуациях. В ненецком фольклоре таким источником сведений «посвященного» сказителя был дух фольклорного произведения «Мынеко» («Сказ»), являющийся непосредственным свидетелем всех фольклорных ситуаций, способный «вселяться» в фольклорных героев, говорить их устами от их лица (подобно духам, вселяющимся в шаманов) и тесно сакрально связанный с «посвященным» сказителем. Эта тесная сакральная связь «посвященного» сказителя с духом фольклорного произведения, который способен «вселяться» в фольклорных героев, объясняет, например, характерный для фольклора коренных этносов Северной Азии феномен неожиданного переключения сказителя с повествования от третьего лица к повествованию от первого лица.

Таким образом, есть определенные основания предполагать, что семантика «эвиденциального перфекта» в шаманских камланиях и зачинах произведений традиционного фольклора была в диахронической ретроспективе существенно сходной и существенно отличается от семантики «эвиденциального перфекта», употребляемого в обыденном общении на хронологических срезах, приближенных к современности. Эта гипотеза, конечно же, требует дальнейшей верификации и конкретизации. Ее научная значимость для исследования языков Северной Азии, имеющих развитую глагольную категорию эвиденциальности, видится в том, что она позволяет логично объяснить ряд отмеченных выше языковых явлений, пока еще недостаточно изученных и объясненных.

Список литературы

- Иохельсон В. И.* Образцы материалов по изучению юкагирского языка и фольклора // Изв. Импер. Акад. наук. Сер. IX. 1898. № 2.
- Иохельсон В. И.* Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб., 1900.
- Иохельсон В. И.* Одульский (юкагирский язык) // Языки и письменность народов Севера. М.; Л., 1934. С. 149–180.
- Иохельсон В. И.* Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск, 2005.
- Казакевич О. А.* Селькупская дорога (Пространственная ориентация в фольклоре северных селькупов) // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 322–328.
- Каксин А. Д.* Система значений категории неочевидного наклонения в хантыйском языке // Морфология глагола и структура предложения. Новосибирск, 1990. С. 106–115.
- Каксин А. Д.* Категория наклонения-времени в северных диалектах хантыйского языка. Томск, 2000.
- Крейнович Е. А.* Юкагирский язык. М.; Л., 1958.
- Крейнович Е. А.* Исследование и материалы по юкагирскому языку. Л., 1982.
- Мальчуков А. Л.* Перфект и эвиденциальность в тунгусских языках (опыт функционально-диахронического анализа) // Вопросы языкознания. 1999. № 3. С. 119–132.
- Скрибник Е. К.* К вопросу о неочевидном наклонении в мансийском языке (структура и семантика) // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1998. Вып. 4. С. 197–215.
- Терещенко Н. М.* О развитии грамматических категорий ненецкого языка (на примере категории причастия) // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. М., 1952. С. 368–386.
- Терещенко Н. М.* Синтаксис самодийских языков. Л., 1973.
- Терещенко Н. М.* Нганасанский язык. Л., 1979.

Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 95–113.

Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology / Ed. by W. Chafe, J. Nichols. Norwood, 1986.

Jochelson W. Essay on the grammar of the Youkaghir language // Annals of the New York Academy of Sciences. 1905. Vol. 16, Pt. 2 (March).

Список источников

МС – Тучкова Н. А., Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Ким-Мелони А. А., Глушков С. В., Байдак А. В. Мифология селькупов. Томск, 2004. (Энцикл. уральских мифологий; Т. 4).

Прокофьев Г. Н. Селькупская грамматика. Л., 1935.

Прокофьева Е. Д. Имыляль чаптэ: Букварь для подготовительного класса селькупской начальной школы. М.; Л., 1953. С. 152–154.

ФН – Фольклор ненцев. Новосибирск, 2001.

ФНТ – Фольклор народов Таймыра. Вып. 2. Дудинка, 1992.

ЭПН – *Куприянова З. Н.* Эпические песни ненцев. М., 1965.

Условные сокращения

Языки: **нен.** – ненецкий; **сельк.** – селькупский; **юк.** – юкагирский.

Список условных обозначений

EVID-PERF – форма эвиденциального перфекта; **1Sg** – личный аффикс 1-го л. ед. ч.; **3Sg** – личный аффикс 3-го л. ед. ч.; **3Du** – личный аффикс 3-го л. дв. ч.; **1Pl** – личный аффикс 1-го л. мн. ч.; **3Pl** – личный аффикс 3-го л. мн. ч.; **знак равенства** – морфемный шов.

L. A. Ilyina

On diachronically early functions and semantics of the «evidential perfect» in the languages of North Asia

The presented paper focuses on identifying and explaining the diachronic-typological parallels of the verb evidential category in the languages of North Asia. Based on the materials of the archaic traditional folklore texts of North Asian indigenous ethnoses, the paper identifies and analyses diachronically early communicative functions of the polysemantic evidential grammeme, mostly universal for the Eurasian languages. In the literature this grammeme is termed in different ways including the term «evidential perfect» involved in the paper headline. The author of the paper puts forward and gives proofs of the hypothesis on the ancient character of the identified communicative functions of the grammeme under investigation and the ancient character of the grammatical semantics manifested while realizing these functions.

Keywords: evidentials, North Asian languages, inference, reportative, mirativity, mediativity, ancient communicative functions, grammatical-semantic evolution.